

Б Е Л А Р У С Ь

Просьба сверять с устным текстом

Генеральная Ассамблея ООН
68-я сессия

Пункт 81 повестки дня
«Доклад Комиссии международного права о работе ее шестьдесят пятой и шестьдесят третьей сессий»
Глава IV доклада «Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договоров»

**Выступление
Андрея Попкова,
начальника главного договорно-правового управления
Министерства иностранных дел Республики Беларусь**

Беларусь разделяет подходы и методологию работы над данной темой, избранные Специальным докладчиком, господином Г. Нольте, а также собственно изменение темы данной работы. Новая формулировка более точно отражает задачи и цель исследовательской группы.

В целом поддерживая проекты заключений 1-4, считаем возможным предложить некоторые уточнения. Мы исходим из того, что толкование международного договора представляет собой в значительной мере творческий процесс. В то же время установление определенных ориентиров (в том числе, за счет прогрессивного развития соответствующих положений Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года) видится весьма полезным.

Так, например, в отношении пункта 2 проекта заключения 1 вызывает определенные сомнения необходимость дословного повторения соответствующих формулировок Венской конвенции. Как представляется, несколько больший акцент в этом и других заключениях (либо в комментариях к ним) следует сделать на раскрытии значения используемых в Венской конвенции и проектах заключений формулировок («добрая воля», «обычное значение терминов» и т.д.).

Считали бы весьма интересными как с академической, так и с практической точек зрения, выводы Комиссии относительно специфики толкования международных договоров в зависимости от их вида либо «природы».

Наиболее сложным из вопросов, подлежавших разрешению в проекте заключения 2 (если не в рамках всей рассматриваемой темы) является вопрос разграничения последующей практики, имеющей большее или меньшее значение для толкования договора, молчаливого соглашения сторон договора относительно его существенного изменения, и нарушения международного договора одной из сторон при отсутствии возражений иных участников международного договора. Не претендуя на то, что данные три ситуации исчерпывающим образом описывают возможные степени отклонения последующей практики от изначальной воли участников международного договора, полагаем, что исследование специфики данных ситуаций внесет серьезный вклад как в разработку данной темы, так и в проблематику толкования международных договоров в целом.

Поддерживаем позицию о том, что результаты толкования международного договора его сторонами не всегда с необходимостью носят юридически обязывающий характер. О возникновении дополнительных обязательств по международному праву следует по общему правилу говорить тогда, когда имеется возможность четко идентифицировать соответствующее намерение государств.

Белорусская сторона с интересом ознакомилась с соображениями Комиссии относительно разграничения понятий «последующее соглашение» и «последующая практика». Полагаем, что Комиссии удалось надлежащим образом раскрыть специфику и различие данных двух понятий, что, несомненно, внесет большую ясность в понимание соответствующих норм Венской конвенции. В то же время полагаем, что данный вопрос нуждается в дальнейшем исследовании. В частности, вызывает сомнение релевантность практики, не свидетельствующей о наличии соглашения, для целей толкования международного договора как процесса установления согласованных намерений заключивших его государств.

Хотели бы выразить ряд общих комментариев в отношении итогов работы Комиссии по проблеме толкования международных договоров. В частности, большой интерес вызывает проект заключения 3. Вопрос эволюционного толкования положений международных договоров весьма важен не только в случае возникновения спорных ситуаций, но и в повседневной практике государств и их органов. Вряд ли можно выделить какие-либо формулировки либо категории международных договоров, а priori указывающие на их характер как «эволюционирующих». В нашем понимании определенным ориентиром здесь может послужить критерий недопустимости толкования, приводящего к фактическим поправкам к международному договору.

Также заслуживает внимания вопрос о том, применимы ли к «последующему соглашению» по смыслу проекта заключения 4 соответствующие правила толкования.

Поддерживаем позицию специального докладчика относительно того, что практика органов (должностных лиц) среднего и низового уровней может также рассматриваться как практика применения международного договора. Проработка данного вопроса может в определенной степени обогатить понимание проектов соответствующих статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния.

В качестве основной позиции по рассматриваемой теме белорусская сторона подчеркивает исключительную роль государств и их практики в вопросах толкования международных договоров. Толкование международных договоров может признаваться аутентичным только в том случае, если оно отражает волеизъявление всех, а не одного или нескольких, государств-участников договора относительно его понимания.

Белорусская сторона выражает также обеспокоенность в связи с практикой, когда международные органы по осуществлению контроля и мониторинга исполнения международных договоров приравнивают себя к государствам в вопросах толкования договоров, не имея на то надлежащих полномочий от самих государств. Ввиду того, что подобные органы состоят из экспертов от ограниченного числа участников договора, их истолкования не всегда правильно передают согласованную волю государств, выраженную в положениях международного договора, а иногда и вовсе увеличивают объем обязательств государств без их на то согласия. В результате толкование не обладает достаточной легитимностью.

В этой связи особо подчеркиваем, что толкование международных судебных, квазисудебных и контрольных органов может иметь важность лишь в той мере, в какой данные органы действуют в рамках полномочий, предоставленных им государствами. Что касается неправительственных организаций, то полагаем, что результаты их работы могут иметь лишь справочно-информационное значение, облегчать выявление и анализ практики государств, однако никоим образом не подменять данную практику.

Б Е Л А Р У С Ь

Просьба сверять с устным текстом

Генеральная Ассамблея ООН
68-я сессия

Пункт 81 повестки дня
«Доклад Комиссии международного права о работе ее шестьдесят пятой и шестьдесят третьей сессий»
Глава V доклада «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции»

Выступление

Андрея Попкова,
начальника главного договорно-правового управления
Министерства иностранных дел Республики Беларусь

Позвольте выразить признательность спецдокладчику г-же Консепсьон Эскобар Эрнандес за ее ценный вклад в рассмотрение темы «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции». Всестороннее обобщение позиций государств, судебной практики, доктринальных подходов, а также представление собственного видения спецдокладчика о направлениях дальнейшей работы над проблемой создают хорошую основу для обсуждения вопросов об иммунитетах должностных лиц в Комиссии международного права и Шестом комитете.

По мнению делегации Беларуси, данную тему уместно рассматривать в контексте обеспечения верховенства права как с точки зрения неотвратимости наказания за определенные преступления, так и с точки зрения соблюдения принципов суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела. Обеспечению данных принципов будет способствовать минимизация субъективной составляющей вопроса посредством разработки ясных и недвусмысленных правовых норм.

Наша делегация вполне осознает сложности исследования проблем иммунитетов должностных лиц ввиду недостаточной четкости международных обычаев и практики, в частности, по вопросу об определении сферы распространения иммунитета должностных лиц *ratione personae*. В этой связи призываем Комиссию исходить по спорным вопросам из соображений эффективности соответствующего правового режима для обеспечения стабильности международных отношений и больше внимания уделять предложениям *de lege ferenda*.

Нормы международного права о специальных миссиях, в том числе конвенционные нормы, не устраняют все проблемы по поводу иммунитетов различных категорий должностных лиц, поскольку не в достаточной мере учитывают необходимость их дифференцированной защиты в свете различий в статусе и степени участия в осуществлении внешних функций государства.

Вследствие присущего современным международным отношениям динамизма и использования новых многоканальных моделей взаимодействия между государствами считаем целесообразным выделение иных высокопоставленных должностных лиц, помимо глав государства, глав правительств и министров иностранных дел, которые могут пользоваться иммунитетом *ratione personae*. Несомненно, разработка исчерпывающего перечня таких лиц вряд

ли возможна. В то же время вполне реальным и желательным видится выявление Комиссией критериев, по которым то или иное лицо может пользоваться иммунитетом *ratione personae*. В качестве такого критерия может рассматриваться факт наделения высокопоставленных должностных лиц, прежде всего членов правительства, государственными функциями в политической, экономической, оборонной и иных сферах, выполнение которых имеет исключительную важность для реализации суверенитета и обеспечения безопасности государства или же связано с развитием широкого международного сотрудничества.

Применительно к проекту статьи 1 возникает вопрос относительно определения понятия «должностное лицо». Выражаем надежду на всестороннее и углубленное изучение данного вопроса Комиссией. При этом на данном этапе полагали бы возможным высказать сомнения относительно выделения в пункте 2 проекта данной статьи лиц, связанных с вооруженными силами государств. Во-первых, сама формулировка «связанных» носит недостаточно конкретный характер и, соответственно, может толковаться самым различным образом. Во-вторых, в отличие от дипломатических и консульских сотрудников, персонала международных организаций, применительно к военнотружущим и вооруженным силам нельзя констатировать наличие единого международно-правового режима. Соглашения о статусе сил и средств, мандаты миротворческих операций и т. д. носят в целом довольно разнообразный характер.

Разделяем позицию о том, что высшие должностные лица в силу своего статуса обладают абсолютным иммунитетом (*ratione personae*). В этой связи следовало бы уточнить в подготовленных проектах статей то, что иммунитет высших должностных лиц действует не только во время официальных иностранных визитов, но и во время частных поездок за рубеж. Высшие должностные лица в период пребывания в должности представляют государство и выполняют должностные обязанности постоянно независимо от характера, продолжительности и формата визитов за рубеж в силу общей значимости их роли во внутренней и внешней политике. Уважение их статуса иностранными государствами непосредственно вытекает из иммунитета представляемого государству, принципов суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела.

Кроме того, полагаем, что в проекте статей необходимо отразить понимание того, что иммунитет *ratione personae* продолжает сохраняться за соответствующими лицами и после оставления ими своей должности в отношении действий, совершенных в период пребывания в должности. Любой другой подход, на наш взгляд, не способен отразить всю полноту содержания понятия иммунитета *ratione personae*.